

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЭПИСТОЛЯРНЫХ СОЧИНЕНИЯХ XVI ВЕКА

Дмитрий Владимирович ПОПОВ

Доктор философии (PhD) по филологическим наукам. Кафедра языков
Андижанский машиностроительный институт. Андижан, Узбекистан

XVI АСР ЭПИСТОЛЯР АСАРЛАРИНИНГ АВТОБИОГРАФИК АСОСЛАРИ

Дмитрий Владимирович ПОПОВ

Филология фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD). Тиллар кафедраси
Андижон машинасозлик институти. Андижон, Ўзбекистон

AUTOBIOGRAPHIC BEGINNING IN THE EPISTOLIC WORKS OF THE XVI CENTURY

Dmitriy Vladimirovich POPOV

Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences. Department of Languages
Andijan Machine-Building Institute. Andijan, Uzbekistan hey-day85@mail.ru

UDC (УЎК, УДК): 811.512.13: 811.512.16”14”

**For citation (иктибос келтириш учун,
для цитирования):**

Попов Д.В. Автобиографическое начало
в эпистолярных сочинениях XVI века//
Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020.
— № 1 (30). — С. 41–50.
<https://doi.org/10.36078/1583734089>

Received: December 27, 2019

Accepted: February 10, 2020

Published: February 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative
Commons Attribution International
License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. История развития автобиографии в мировой литературе показывает, что первоначально элементы жизнеописаний существовали в различных жанрах. В данной статье исследуются автобиографические элементы в эпистолярных сочинениях древнерусских авторов. В этом направлении изучаются произведения Ивана Грозного и Андрея Курбского на фоне развития автобиографизма в средневековой словесности. В мировой лингвистике актуальными и востребованными являются исследования, посвященные ряду проблем, связанных с историей русского литературного языка, в частности, с жанром автобиографии и творчеством публицистов Московской Руси, их влиянием на литературный процесс. Цель работы состоит в анализе генезиса автобиографического дискурса в древнерусской литературе XVI века на материале посланий Ивана Грозного и Андрея Курбского. Особое внимание уделено тому, что в XVI веке в связи с ростом самосознания наблюдается и развитие автобиографизма. Расцвет публицистической и исторической литературы помогает раскрыть роль отдельной личности в важных для страны событиях. Писатели часто вводят в свои произведения автобиографические моменты как средство самооправдания, способ убедить читателя в необходимости совершения того или иного поступка.

Ключевые слова: автобиографизм; древнерусская литература; стиль; автопортрет; жанр; послание; способ изложения.

Аннотация. Жаҳон адабиётда автобиографиянинг ривожланиш тарихи дастлаб биография элементлари турли жанрларда мавжуд бўлганлигини кўрсатади. Ушбу мақола қадимги рус муаллифларининг эпистоляр асарларида автобиографик элементларни тадқиқ қилади. Ушбу йўналишда ўрта аср адабиётда автобиографизмни ривожланиши шароитида Иван Грозний ва Андрей Курбский асарлари ўрганилди. Ҳозирда жаҳон тилшунослигида рус адабий тили тарихига оид лисоний муаммолар, хусусан, автобиография жанри ва Москва Руси публицистларининг

фаолияти, уларнинг адабий жараёнга таъсири билан боғлиқ бир қатор масалалар тадқиқ қилиш зарурати долзарбликни касб этмоқда. Ишнинг мақсади — XVI аср қадимги рус адабиётидаги автобиографик мунозараларнинг генезисини Иван Грозний ва Андрей Курбскийнинг мактублари мисолида таҳлил қилиш. XVI асрда ўз-ўзини англашнинг ўсиши билан бирга автобиографизмнинг ҳам ривожланиши кузатилишига алоҳида эътибор қаратилди. Публицистик ва тарихий адабиётнинг юксалиши алоҳида шахсларнинг мамлакат учун муҳим воқеаларда тутган ўрнини очишга ёрдам беради. Муаллифлар кўпинча автобиографик лаҳзаларни ўз асарларида ўзини оқлаш воситаси, китобхонни маълум бир ҳаракатни бажариши зарурлигига ишонтириш усули сифатида киритадилар.

Калит сўзлар: автобиография; қадимги рус адабиёти; услуб; автопортрет; жанр; мактуб; тақдим этиш воситаси.

Abstract. The history of the development of autobiography in world literature shows that initially elements of biographies existed in various genres. This article explores the autobiographical elements in the epistolary writings of ancient Russian authors. In this direction, the works of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky are studied against the background of the development of autobiography in medieval literature. In world linguistics, research on a number of problems related to the history of the Russian literary language, in particular, a number of issues related to the autobiography genre and the work of publicists of Moscow Russia, their influence on the literary process, is relevant and in demand. The purpose of the work is to analyze the genesis of autobiographical discourse in 16th-century Old Russian literature based on the messages of Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky. Particular attention is paid to the fact that in the XVI century, in connection with the growth of self-awareness, the development of autobiography is also observed. The heyday of journalistic and historical literature helps to uncover the role of the individual in important events for the country. Authors often introduce autobiographical moments into their works as a means of self-justification, a way to convince the reader of the need to commit an act.

Keywords: autobiography; ancient Russian literature; style; self-portrait; genre; epistle; way of presentation.

В древнерусском жанре послания с самого начала его функционирования в литературе создавалась благоприятная почва для проявления и развития автобиографизма. Выражая идеи государства и церкви, послания должны были обращаться к высоким, нравственным и политическим примерам. Писатели могли их найти в лице всех канонизированных святых, чьи жития были, пожалуй, самыми популярными произведениями на Руси. Что касается политического идеала, то высокопоставленные лица, которыми обычно являлись авторы посланий, могли не удовлетворяться опытом предшественников и обращаться в целях иллюстрации тех или иных положений к своей жизни и деятельности.

Внутри этого жанра автобиографическое начало проявляется в различных произведениях по-разному. Классификация жанровых форм может помочь выделить те черты, развитие которых способствовало становлению автобиографических элементов.

Эпистолярный жанр с начала развития стоял на рубеже между литературой и бытом, что выражалось в существовании как сугубо частной переписки, так и переписки, «изначально имевшей значение культурного факта для своей эпохи». Определить четкие различия между частным письмом и «литературным» посланием трудно. «Создается ли “литературность” эпистолярного памятника его тиражированием или, напротив, “литературность” обуславливает тиражирование» (7, 3) — вопрос

сложный. Скорее всего, такая «публикация» свидетельствует об интересе и важности какой-либо темы для определенной эпохи.

В жанре послания выделяют разные типы писем. Литературная эпистолография стала одним из ответвлений книжно-славянской риторики. Она могла использоваться «как условная форма проповеди, панегирика, богословского трактата или публицистического сочинения. Официальные и дипломатические грамоты подчинялись законам деловой письменности, находившейся за пределами традиционной книжной культуры. Частные, бытовые письма, непосредственно не связанные с приказным делопроизводством, имели еще более открытую структуру, свободно включали в себя народную речь и образность. Между этими крайностями — литературным посланием и деловым письмом — существовали разнообразные переходные формы. Степень их литературности различна, порой качественно не соотносима» (4, 136).

Итальянский ученый-медиевист Дж. Броджи-Беркофф сделала попытку классифицировать древнерусские послания по стилистическим и композиционным признакам. Он выделил религиозно-идеологические и светские эпистолии. По тематическому принципу были обозначены документально-деловые (дипломатические); послания, освещающие крупные государственно-идеологические и философские вопросы, и послания, посвященные частным моментам личной жизни человека. В последних чаще всего встречается автобиографический элемент не только информативного и повествовательного характера, но и исповедального (2).

Автобиография является промежуточным жанром между деловой письменностью и художественной литературой. С жанрами документальной письменности ее сближает реальное (а не вымышленное) присутствие героя в тексте, повествование от первого лица, следование хронологии. На первое место выступают задачи практического назначения: разрешение каких-либо тревожащих писателя вопросов, самооправдания собственных поступков.

Наличие автобиографических элементов в жанрах деловой письменности объясняется характером эпистолографии, ее обращенностью к внутреннему миру пишущего, желанием рассказать о себе.

В XVI веке на первый план выдвинулись жанры, которые отвечали потребностям напряженного времени, позволяли откликаться на политические и идеологические события эпохи. Это были, в основном, жанры публицистической литературы: послания, слова, поучения, религиозно-полемические трактаты. Наиболее активно автобиографизм проникал именно в публицистику, а внутри нее — в самый распространенный и удобный для полемики жанр послания. Это объяснялось внутренними закономерностями жизни самого жанра.

Публицистическое произведение само по себе предполагает полемику с хорошо организованной аргументацией выдвигаемых положений. Для лиц социально активных, писавших эти произведения, не было серьезнее доказательств, чем библейские сюжеты, евангельские притчи и факты собственной биографии. Публицистика предполагала «открытость» выступлений, а это требовало определенной моральной подготовки, что невозможно без понимания высокой миссии проповедника истины.

В решении проблем публицисты XVI века искали поддержки в прошлом, проводя параллели между описываемыми событиями и аналогичными эпизодами истории. Принадлежность этих жанров к лирическому роду усиливала субъективный момент в передаче и оценке эпизодов жизни. Зыбкость границ между частным письмом и посланием способствовала включению в последнее сведений с автобиографическими реалиями. Даже строгая этикетность стиля послания, установленная давней традицией, не смогла помешать введению в повествование конкретных

автобиографических элементов. В первую очередь обращает на себя внимание переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.

Послания Андрея Курбского написаны по правилам западноевропейского этикета. «Письма занимали особое положение в иерархии литературных жанров. Если для традиционалиста высоким образцом являлись апостольские послания, то для западноевропейского гуманиста – эпистолы Цицерона. Не случайно Андрей Курбский включил в “Третье послание Ивану Грозному” перевод двух отрывков из “Парадоксов” Цицерона, посвященных Марку Бруту — одному из убийц Юлия Цезаря» (4, 135).

Сочинения Андрея Курбского нельзя рассматривать как однородное явление, подчиняющееся какой-то одной традиции. Письма, адресованные иностранцам, по внешней стилистической манере приближены к западноевропейской эпистолографии. Ярким примером тому служит обращение к даме в письме княгине Чарторыйской в соответствии с куртуазной традицией. «*Честнѣйшей госпожи, вельможной и светлой в роде, паче же во правовѣрїю светлейшей и вдовства чистотою сияюще, от нас покорное поклонение честности твоей. Да будеши здрава со возлюбленными чады твоими!*» (1, 513). Введение автобиографических сведений, бытовых подробностей создают дружескую атмосферу беседы. Следует заметить, что сама приятельская атмосфера древнерусскими книжниками понималась по-особому. «На Руси понятие “дружба” воспринималось как синоним христианской общности, духовного единства в Боге» (3, 278). Создание имитации диалога было обязательным в эпистолярном искусстве. «Начиная с античных теорий стиля, послание понималось “как одна из сторон в диалоге” и “письменная беседа отсутствующего с отсутствующим”». В этом разговоре отправитель был рассказчиком, а адресат — слушателем. Письмо создавало иллюзию непосредственного общения разлученных расстоянием людей.

Послания Ивана Грозного — яркий пример двуголосия в древней литературе, взаимопроникновения своих и чужих стилистических интонаций. «Похожие на трактаты своей обстоятельностью, многочисленными цитатами и примерами, они, прерываемые риторическими вопросами, восклицаниями и обращениями, передают накал борьбы собеседников» (4, 141). Меняется стиль посланий, адресованных Васьяну, царю, старцам Печерского монастыря. Автор придерживается традиций школы «нестяжателей», в которых присутствует высокий увещательный стиль в духе философских абстракций.

В посланиях Ивану Грозному Андрей Курбский активно использует автобиографические фрагменты с целью воздействия на адресата. Автобиографические реалии в эпистолярном наследии князя выступают как на уровне автобиографических замечаний (например, «*А се лжеплетение и прежде аз видах, полским языком написана*» (1, 470)), так и на уровне автобиографических отрывков и сюжетно организованных эпизодов. Например, в Первом послании монарху Андрей Курбский пишет: «*Пред войском твоим хождах и исхождах, и никого же тебѣ безчестїа не приведох, но развѣ побѣды пресвѣтлы помощью аггела Господня въ славу твою поставлях и никогдаже полков твоих чюжим полкомъ хребтом обратих, но паче одолѣнїа преславнаа на похвалу тебѣ сотворях. И сїе не во едином лѣте, ни во двою, но во многих лѣтех потрудихся многими поты и терпѣнїем...*» (1, 13). По тематике автобиографические сведения, приводимые Курбским-публицистом, самые различные: упоминания о полученных письмах, воспоминания о борьбе со «лжесловесниками», сведения о личной жизни, учебе, былых военных заслугах.

Большой интерес вызывают фрагменты, относящиеся к прошлому

писателя, они носят автобиографически-мемуарный характер, что позволяет организовать их в сюжетные эпизоды. Во втором послании старцу Васьяну встречаются автобиографические элементы исповедального характера: *«Каких напастей и бѣд, и наружений, и гонений не претерпѣхъ! Многажды в бѣдах своих ко архиереом и ко святителем, и к вашего чина преподобным со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и, валяясь пред ногами их, землю слезами омаках, – и ни малыя помощи, ни утешения бедам своим от них получих»* (1, 491). Это послание было написано по поводу неприятия старцем от князя денег. Васьян имел большое влияние на Андрея Курбского, которое князь не желал терять. Ситуация определяет выбор автобиографических средств и причины введения их в послание: Андрей Курбский старается вернуть милость старца, который был его идеалом и политическим союзником. Часто князь вспоминает о беседах на религиозные темы (*«Листъ ... до Марка»*, *«Листъ ... до Кузьмы Мамонича»*) (1, 495; 499). Важен факт пересказа, восстановления в памяти и в письме содержания бесед. Вообще, в посланиях к церковным служителям и монахам, в политических посланиях с религиозным содержанием Андрей Курбский редко использует автобиографические сведения. Главными являются религиозно-политические рассуждения. Лишь в некоторых случаях Андрей Курбский вспоминает былые заслуги в борьбе с инакомыслящими. Эти немногочисленные замечания важны и определенным образом характеризуют князя: даже в посланиях на религиозную тему автор не забывает о главной цели – продемонстрировать новым друзьям и покровителям достоинства и таланты. Право старшинства дает возможность князю рассматривать собственную жизнь как пример для подражания.

Некоторые из посланий Андрея Курбского носят открыто полемический и религиозно-публицистический характер. Характер автобиографических сведений в минимальной степени зависит от адресата, а в большей – от тематики и ситуации. Тон письма и стиль находятся в прямой зависимости от отношения Андрея Курбского к тому, кому он пишет. В этом сказывается гибкость натуры князя (поучительный тон — в посланиях к княжне, Марку, смиренно-уничжительный — к Васьяну, резкий и насмешливый — к Чапличу, нарочито надменный, обличительный — Ивану Грозному).

Усиление автобиографического начала в литературе XVI века сказалось в проникновении автобиографических элементов во все литературные жанры. Наиболее ярко эти тенденции выразились в посланиях Ивана Грозного князю Андрею Курбскому.

Иван Грозный вел дипломатические дела с другими государствами и обращался с посланиями к зарубежным правителям (к Елизавете, Стефану Баторию, Иоганну III). Не только в частных письмах, но и в важных государственных посланиях ярко вырисовывается его личность. Переплетение философских размышлений, бытовых замечаний, автобиографических воспоминаний можно встретить в пределах одного сочинения.

Одной из основных тем его произведений являются идеи о власти. Взгляды Ивана Грозного на единодержавие исключали какое бы то ни было ограничение воли монарха, по существу они были антицерковными. *«Идея богоизбранности власти была связана с принципом наследования в пределах одной семьи по принципу первородства»*. На Руси этот византийский принцип выражался в принятии на царство правителя *«исключительного рода, само происхождение которого связано с тайными судьбами всего мира»* (5, 157).

В произведениях Ивана Грозного рождается целая система церковно-монашеской этики, которая строго очерчивается рамками поведения духовного лица. Царь опирается на святоотеческую традицию, в особенности

на авторитет Иллариона – теоретика раннесредневекового мистицизма, страстно осуждавшего стремление монахов походить на мирян, участвовать в политической деятельности. По мнению Ивана Грозного, «святительская власть и царское правление» существенно различны. Священники спасают лишь души верующих, и оттого они могут быть наказаны за мирские прегрешения. Царь же, напротив, заботится о благе всех подданных, действуя и страхом, и запрещением, и обузданием. Введение в один из самых этикетных жанров, непривычного для русской письменности, автобиографического элемента должно было восприниматься читателем как акт воли государя.

Д. С. Лихачев отмечал: «Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Грозный, и вместе с тем каждое литературное наследие которого обладало бы с самого начала таким властным авторитетом» (6, 185). Это определило вторжение в послания отзвуков бурной эпохи XVI века, наложившей отпечаток на индивидуальность царя и его творчество. Его сочинения могли рассматриваться как часть создаваемой, а иногда разыгрываемой им жизненной ситуации.

В сочинениях ставится вопрос о праве государя на те поступки, которые он считает единственно верными и приемлемыми для себя. Мотив «дела» связан с оправданием личной воли самодержца. Главной обязанностью автор считает спасение душ погрязших в грехах поданных. *«Царь бо несть боязнь делом благим, но злым»*. Слово «дело» в посланиях Ивана Грозного в основном употребляется с отрицательным значением, как характеристика дьявольского замысла заговорщиков: *«по злым делом...», «злая сотвориши ... словом и делом»*. Автобиографическое повествование в тексте послания начинается с характеристики *«злых дел»* боярских. С одной стороны, этот мотив рождает (хотя и неприятные) воспоминания о детстве, с другой — служит цели самооправдания.

Однако не только незаурядная личность Ивана Грозного и тесная связь его творчества с реальной практикой жизни повлияли на введение автобиографических элементов в послания Ивана Грозного. Огромную роль оказали литературные традиции тех писателей, с которыми царь общался и книги которых знал. Решая прежде всего философские задачи и ставя перед собой вопросы государственного строительства в полемике с адресатом, автор обращается к предшествующей литературе с чисто практической целью: найти в мировой истории, отраженной в художественных произведениях, аналогию с ситуацией XVI века и тем самым оправдать свою политику. Книга Григория Селунского «На римскую ересь», сочинения Антонио Поссевино, Деяния Флорентийского собора и другие книги помогали царю в борьбе с политическими противниками и врагами православия.

Многочисленные послания Ивана Грозного поражают разнообразием стилевой манеры письма, самобытным содержанием, характером и объемом используемых автобиографических элементов. Авторское «я» зримо проступает во всех посланиях. Лирический герой принимает разные облики: то он надевает маску смиренного инока, то предстает перед читателем высокомерным владыкой. Автобиографические моменты различаются не только тематикой, но и характером героя.

Исследователи обычно делят послания Ивана Грозного на три группы: дипломатические (Елизавете I, Стефану Баторию и др.), полемические (в Кирилло-Белозерский монастырь, Андрею Курбскому и др.), частные (Второе послание Андрею Курбскому, Василию Грязному и др.). Тем самым определяется своеобразие отдельных видов сочинений, причем отмечается, что сведения о своей жизни у царя появляются в последних двух группах.

Однако границы этого деления размыты. В дипломатических эпистолах можно обнаружить автобиографические «реалии», отражающие частную жизнь царя (Послание шведскому королю Иоганну III). Письма, преследующие чисто практические цели (борьба с чумой, пойманные пленники), носят ярко выраженный деловой характер, отличаются краткостью, приказным тоном. Автобиографические сведения здесь предельно лаконичны и касаются полученных известий о поветрии и пленниках.

Таким образом, неоднородность посланий Ивана Грозного в плане объема автобиографических сведений зависит от адресата письма, от тематики и от размеров послания. Характер же автобиографизма определяется адресатом.

Сюжетные завершенные автобиографические отрывки встречаются лишь в нескольких посланиях: в Кирилло-Белозерский монастырь, Первом послании Андрею Курбскому, Стефану Баторию. Попытку представить в качестве доказательств мыслей полный вариант автобиографии можно наблюдать лишь в самом большом Первом Послании Андрею Курбскому.

Выбор автобиографических моментов всегда остается связанным у Ивана Грозного с активной государственной деятельностью. Отсюда насыщенность текста разнообразными событиями, автор подробно описывает действия и поступки. Психологическое состояние героя передается стилистическими средствами. Писатель пытается показать переживания в момент написания послания. Так, Второе послание Андрею Курбскому почти целиком составлено из горестных вопросов-указаний к изменнику и отличается повышенной эмоциональностью и экспрессивностью тона: *«Колики напасти язъ от васъ приялъ, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Ково чемъ оскорбихъ?»* (1, 83). Несмотря на то что у Ивана Грозного нет глубокого раскрытия чувств повествователя, в сочинении присутствует стремление мотивировать поступки и помыслы. Автор не просто констатирует какой-либо факт из жизни, а составляет небольшой, но подробный рассказ об этом эпизоде. В Первом и Втором посланиях Андрею Курбскому царь рассказывает, почему он рассердился на бояр, перечисляя при этом их измены: его действия были ответной реакцией на происки тайных советников. *«Писалъ еси, что язъ разтлгн разумомъ, яко жъ ни въ языцехъ имянуемо. И я таки тебя, судию, и поставлю с собою: вы ли разтлгнны, или язъ, что язъ хотелъ вами владѣти, а вы не хотели под моего властью быти, и язъ за то на вас опалался?»* (1, 83). В подобных эпизодах автор старается мотивировать собственные действия, объяснить их и указать цель введения автобиографического отрывка. Большое внимание писатель уделяет изображению детства, стремясь показать истоки антибоярской политики. Он избирает только те автобиографические моменты, которые нагляднее, убедительнее могли воздействовать на читателя.

Сильное влияние на выбор автобиографических моментов оказывает характер адресата послания. Иван Грозный ведет разговор о предмете, хорошо известном адресату, а значит, о таких эпизодах, где бы переплеталась жизнь царя и его «собеседника». Людям, находящимся в близких отношениях с ним, Иван Грозный напоминает моменты, связанные с интимной, личной жизнью при дворе (Василию Грязному — о пирах, Андрею Курбскому — о поведении бояр в отношении царских особ, о военных действиях, в которых князь принял активное участие, и др.).

Послания Ивана Грозного — это всегда полемика с адресатом, где автобиографические элементы выполняют функцию доказательств мысли царя. Иногда эпизоды из своей жизни используются автором как прямое подтверждение тезиса. Например, мысль Первого послания Андрею

Курбскому: «А Российское самодержавство изначала сами владѣють своими государствами, а не бояре и велможи!» (1, 30) объясняется приведением факта, что в стране во время правления Думы наступила нищета: «Или мниши сие свѣтлость благочестива, еже обладатися царству от попа невѣжи и от злодѣйственныхъ изменныхъ человекъ и царю повелеваему быти? ...И что от сего случишася в Руси, егда быша в коемждо граде градоначалницы и местоблюстителю и какова разорения быша, от сего самъ своима беззаконныма очима видаль еси, от сего можеши разумѣти, что сие есть» (1, 32–33).

Чаще Иван Грозный приводит автобиографические сведения в качестве косвенных доказательств противопоставления на обвинения Андрея Курбского или других лиц. Это излюбленный прием царя в споре. В ответ на тезис князя о страшных гонениях на бояр Иван Грозный говорит о боярских репрессиях в отношении членов царской фамилии. Измене Андрея Курбского царь противопоставляет верность слуги князя Василия Шибанова: «Како же не устрамишися раба своего Васки Шибанова? Ежели убо онъ свое благочестие соблюде, пред царемъ и пред всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и крестнаго ради целования тебе не отвержеся и похваляся всячески, умрети за тебе тщишеся. Ты же убо сего благочестию не поревноваль еси...» (1, 29).

В XVI веке введение автобиографических сведений в произведения воспринималось уже как факт документирования повествования. Подобный подход был подготовлен древнерусской традицией создания достоверности изображаемых событий. Иван Грозный часто употребляет выражения «дошли до слуха нашего», «а ныне мы видим и слышим». Царский титул автора посланий не позволял усомниться в правдивости его рассказов. И хотя в Иване Грозном благодаря его артистической натуре художник часто побеждал документалиста, современники должны были воспринимать его повествование как истину.

Особый отбор и стиль автобиографических сведений разных посланий помогает читателю воспринимать некоторые моменты произведения только на эмоциональном уровне. Этими эпизодами Иван Грозный стремится воздействовать на адресата. Послания Ивана Грозного, посвященные серьезным политическим проблемам, помимо воли автора наполняются автобиографическими моментами.

Использованная литература

1. Библиотека литературы Древней Руси: В 20-ти томах. — Т. 11. XVI век. — М.: Наука, 2001. — 688 с.
2. Броджи-Беркофф Дж. Древнерусская и византийская эпистолография: Сравнительный анализ // Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.). Реферативный сборник. В 2 ч. Ч. 2. — М., 1988. — С. 268–275.
3. Эман И.Е. Славянский мир и итальянская культура // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. Зарубежные и советские исследования. — М., 1991. — Ч. 1. — С. 277–284.
4. Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. — М.: Языки славянской культуры, 1998. — 416 с.
5. Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. — М.: Прометей, 2000. — 418 с.
6. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — М.: Наука, 1993. — 431 с.
7. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. — СПб.: Наука, 1992. — 224 с.

References

1. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi: V 20-ti tomah* (Library of literature of Ancient Rus: In 20 volumes), Vol. 11, XVI century, Moscow: Nauka, 2001, 688 p.
2. Brodzhii-Berkoff Dzh. *Kul'tura i obshchestvo Drevnei Rusi (X–XVII c.)* (Culture and society of Ancient Russia), Moscow, 1988, part 2, pp. 268–275.
3. Eman I.E. *Rus' mezhdue Vostokom i Zapadom: kul'tura i obshchestvo, X–XVII vv. Zarubezhnye i sovetskie issledovaniya* (Rus between East and West: culture and society, X-XVII centuries. Foreign and Soviet studies), Moscow, 1991, part 1, pp. 277–284.
4. Kalugin V. V. *Andrej Kurbskij i Ivan Groznyj* (Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1998. 416 p.
5. Karavashkin A. B. *Russkaja srednevekovaja publicistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyj, Andrej Kurbskij* (Russian medieval journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky). Moscow: Prometej, 2000. 418 p.
6. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* (Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky). Moscow: Nauka, 1993. 431 p.
7. Ponyrko N. V. *Jepistoljarnoe nasledie Drevnej Rusi* (Epistolary heritage of Ancient Rus). Saint Peterburg: Nauka, 1992. 224 p.